

М. Г. Талалай, О. Л. Фетисенко

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА
К ИЕРОМОНАХУ ДОРОФЕЮ (КУДРЯВЦЕВУ)
И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РУССКОГО АРХИВА
АНДРЕЕВСКОГО СКИТА¹

Резюме

Афонский период жизни и деятельности К. Н. Леонтьева, на первый взгляд, уже хорошо изучен, однако это не совсем так. В фокусе исследовательского внимания всегда находились его связи со Свято-Пантелеимоновским монастырем (Руссиком), между тем немногим меньшую роль сыграло в его жизни знакомство со старшей братией Андреевского скита. В его архиве, ныне находящемся в монастыре Ватопед, которому исторически и был подчинен русский скит, недавно были обнаружены леонтьевские автографы, имеющие огромную ценность для более полного постижения его биографии. Публикация этих материалов служит первым научным дополнением к недавно завершённому академическому изданию сочинений и писем К. Н. Леонтьева.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, Афон, Андреевский скит, иеромонах Дорофей (Кудрявцев), неизвестные письма, биография, «Византизм и Славянство»

¹ Авторы статьи выражают искреннюю и глубокую благодарность игумену Ватопедского монастыря Ефрему (Куцý), благословившему Михаила Талалая на публикацию леонтьевских документов из Русского архива Андреевского скита, а также насельнику Ватопеда монаху Диадоху (Кривицкому), несущему послушание по хранению и систематизации этого архива.

Mikhail G. Talalay, Olga L. Fetisenko

KONSTANTIN N. LEONTIEV'S UNKNOWN LETTERS TO HIEROMONK DOROTHEI (KUDRIAVTSEV) AND OTHER MATERIALS FROM THE RUSSIAN ARCHIVE OF THE SKETE OF SAINT ANDREW

Abstract

Although at first glance the Athos period of Konstantin N. Leontiev's life and work has seemingly been well studied, this is not entirely true. So far, researchers have focused on his connections with the Monastery of St. Panteleimon (Rossikon). Leontiev's acquaintance with the monks of the Skete of St. Andrew also played an important role in his life. Some of Leontiev's autographs have been recently discovered in the Skete archives. The autographs are now located in the Vatopedi Monastery to which the Skete of St. Andrew subordinated. These materials are valuable for the study of Leontiev's biography, and their publication here is the first complement to the recently published scholarly edition of Leontiev's works and correspondence.

Keywords: Konstantin N. Leontiev, Athos, Skete of Saint Andrew, hieromonk Dorothei (Kudriavtsev), unknown letters, biography, "Byzantinism and Slavdom"

DOI 10.31860/2712-7591-2023-4-170-191

В 2021 г. Пушкинский Дом и издательство «Владимир Даль» завершили издание академического Полного собрания сочинений и писем К. Н. Леонтьева [Леонтьев], через год в серии Приложений к нему вышла двухтомная «Летопись жизни и творчества» [Летопись]². Как это случилось и с другими подобными изданиями, было ясно, что «полнота» в определенной мере условна: дополнения, новые находки неизбежны (почему уже и в заключительной книге собрания, выпускавшегося на протяжении двух десятилетий, появился довольно большой раздел «Дополнений»). В первую очередь ожидать открытий можно было от зарубежных архивов, светских и церковных³. После того как в 2015 г. были опубликованы письма Леонтьева к старцам афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря Иерониму (Соломенцеву) и Макарию (Сушкину) [Русский Афон, с. 395–448], что стало для леонтьеведения поистине чудесным событием, можно было

² Журнал «Словесность и история» дважды предоставлял свои страницы для статей об этом писателе и мыслителе. В № 3 за 2020 г. были помещены неизвестные его портреты, обнаруженные в Государственном историческом музее.

³ Запросы, предпринятые в свое время издателями собрания сочинений (обращения в украинские и румынские архивы, а также архив Сергиевского института в Париже), не увенчались успехом.

надеясь, что его автографы обнаружатся и в других обителях Святой Горы, и прежде всего — в зависимом от греческого монастыря Ватопед русском Андреевском скиту⁴, где Леонтьев подолгу жывал в бытность свою на Афоне в 1871–1872 гг.⁵

Так и произошло. М. Г. Талалай обнаружил недавно в архиве скита, ныне хранящемся в Ватопедском монастыре⁶, шесть писем будущего монаха Климента к иеромонаху Дорофею (Кудрявцеву)⁷ и впервые упомянул о них в специальной работе об этом афоните [Талалай 2023, с. 273–274]⁸. Существование данных писем издатели собрания сочинений предполагали по упоминаниям в других леонтьевских документах (см., например: [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 480; Летопись, ч. 2, с. 608]). В комментариях к одному из томов было опубликовано письмо о. Дорофея, касающееся Леонтьева (этот текст мы процитируем ниже). Новообретенные рукописи позволили узнать много нового о плохо документированных периодах жизни писателя. Предпринимаемая публикация служит, таким образом, первым и весьма существенным дополнением к изданию сочинений и писем автора «Византизма и Славянства». Интересно, что большая часть этих неизвестных писем как раз и связана с предысторией появления главной книги Леонтьева в печати.

* * *

В октябре 1868 г. тульчинский консул Леонтьев впервые после пяти лет службы в Турции приехал в отпуск в Петербург. Это был внешне счастливый период его жизни. Он работал над циклом романов «Река времен», карьера шла хорошо (его донесения высоко ценил сам князь Горчаков), здоровье было еще в относительном порядке, первые тревожные признаки обнаруживало только душевное состояние жены. Новых художественных произве-

⁴ Об истории русского Андреевского скита см., например: [Троицкий, Талалай 2007; 2009].

⁵ Роль Афона в духовной биографии Леонтьева общеизвестна. К этому вопросу обращались все его биографы начиная с А. М. Коноплянцева [Коноплянцев, с. 74–85]. Один из современных авторов, К. М. Долгов, даже озаглавил свою книгу о Леонтьеве «Восхождение на Афон».

⁶ После смерти в 1971 г. последнего русского насельника (монаха Сампсона) Андреевский скит двадцать лет пустовал, подвергаясь разного рода хищениям. В 1992 г. здесь, наконец, поселилась группа монахов-греков, однако скитский архив пребывал в плачевном состоянии, пока в 2003 г. его остатки по благословию архимандрита Ефрема, игумена Ватопедского монастыря, не были перенесены в Ватопед. В 2017 г. начался разбор и систематизация архива, которые, как уже было сказано, ведет монах Диадох.

⁷ Русский архив Андреевского скита (далее — РААС). Оп. 9. Д. 44. Док. 6665–6670.

⁸ Пользуясь случаем, исправляем допущенную здесь погрешность: в статье сообщалось, что знакомству Леонтьева и о. Дорофея поспособствовал о. Климент (Зедергольм) [Талалай 2023, с. 273]. Эта информация ошибочна: о. Климента Леонтьев узнает только в 1874 г. в Оптиной пустыни.

дений и статей Леонтьева ждали «Русский вестник» и затеваемый петербургскими «почвенниками» журнал «Заря», но переговоры еще не успели завершиться чем-то определенным, как вдруг последовало неожиданное назначение в Янину. После оживленной деятельности на Нижнем Дунае это стало для консула чуть ли не ссылкой. В маленьком балканском городке Леонтьев безмерно скучал. Здесь не было политической борьбы или противодействия католическому прозелитизму, как в Адрианополе, где он служил до Тульчи; главным событием была борьба паши с местными и набегавшими из свободной Греции разбойниками. Консул перечитывал Байрона (ведь теперь он находился в тех местах, где побывал поэт), рисовал, продолжал работать над своими романами (потом они сгорят в камине на даче в Каламарии под Салониками). Между тем местный климат оказался для него тяжелым. Под предлогом ухудшения здоровья Леонтьев стал хлопотать о новом назначении, рассчитывая оказаться поближе к границам России, а может быть, к столь любимому им Царьграду. И вот это новое назначение последовало: в македонские Салоники. Его предложили как временное — в чаянии будущего более высокого и интересного поста.

После долгого путешествия на лошадях, подробно описанного самим консулом [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 371–389], в мае 1871 г. он прибыл в этот приморский город. Перемещение в Македонию не стало для него радостным, напротив — нагнетало уныние. Шумный торговый город, чуждое Леонтьеву общество, скучная, чисто канцелярская работа (это видно по характеру сохранившихся в архиве консульства документов). Правда, рядом была Святая Гора, деловая корреспонденция с которой солунским консульством велась очень активно, и сблизиться со старцами Пантелеимоновского монастыря («употребить все усилия Ваши к поддержанию и развитию близких и доверительных сношений») Леонтьеву настоятельно советовал его начальник, посол Н. П. Игнатъев [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 721], но консул не спешил последовать рекомендации. Случилось так, что старцы Руссика первыми приветствовали его: о. Макарий прислал поздравление с именинами (21 мая) [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 302]. Леонтьев и не догадывался, что в этот непривлекательный для него город он приведен высшим Промыслом не случайно: это место «поворотной точки» его биографии. Здесь достигнет кульминации его постепенно зревшее религиозное обращение.

Уже через два месяца по приезде Леонтьев заболел и, будучи по специальности врачом, диагностировал у себя холеру, частую в тех краях. Как известно, он был исцелен после горячей молитвы к Божией Матери и данного обета поехать на Афон и стать монахом. О монашестве он впервые задумался еще в 1870 г., когда серьезно запутались его семейные обстоятельства,

но настоящего призвания еще не испытал. На Святой Горе он был торжественно встречен («звон, хоругви, духовенство в облачениях» [Летопись, ч. 1, с. 406]), сразу открыл старцам, зачем приехал. Постричь его по многим причинам тогда отказались⁹, хотя нельзя исключать, что в дальнейшем тайный постриг в иночество всё же был совершен старцами Пантелеимоновского монастыря. (Впоследствии, в 1891 г., в Оптиной пустыни Леонтьев будет пострижен сразу в мантию с именем Климента, на Афоне же он получил право ношения рясы.) Что касается монашеских обетов, то фактически они были принесены им еще во время молитвы в Каламари¹⁰ и предопределили всю дальнейшую его жизнь.

Вначале Леонтьев пробыл на Афоне недолго, с 25 июля до первой половины августа (надо сразу сказать, что эта и последующие поездки делались в тайне от константинопольского начальства, за что, когда дело обнаружилось, последовало строгое внушение¹¹), вернулся в Салоники или Каламарию (на дачу, где жил в июле), причем вернулся уже, как, в принципе, и подобало перемещаться в миру монаху, не один, а с сопровождающим братом (регентом Пантелеимоновского монастыря о. Григорием). Племянница вспоминала, что он долго искал какие-то бумаги и вдруг швырнул в камин рукописи своих заветных романов [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 110]. Жест отречения от мира, повторяющий гоголевское сожжение второго тома «Мертвых душ». Это произошло 3 или 4 сентября [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 306].

Оказавшись вскоре снова на Святой Горе, Леонтьев был втянут в улаживание волнений и нестроений, разгоревшихся в населенном преимущественно малороссами Ильинском скиту (об этом см. подробные донесения его Игнатьеву от 9 и 24 ноября 1871 г. [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 318–325, 327–331] и письмо к старцу Макарию от 3 октября 1871 г. [Леонтьев, т. 11,

⁹ В адресованной старцу Амвросию Оптинскому записке «Моя исповедь» Леонтьев объяснял: «Мне отказали не столько потому, что я женат, сколько потому что я на службе» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 228].

¹⁰ Подразумеваем здесь не саму «формулу» обетов, но решимость их *исполнять*, приняв постриг [ср.: Леонтьев, т. 12, кн. 3, с. 177–178]. По крайней мере два обета (целомудрия и послушания) исполнялись им начиная с 1871 г. неукоснительно. С тех пор Леонтьев постоянно пребывал под старческим окормлением. Афонские отцы буквально передали его «из полы в полу» Оптинским, сопроводив рекомендательными письмами.

¹¹ Живя на Афоне, Леонтьев продолжал посылать донесения в Константинополь и Петербург, помечая их Салониками. Информацию для этих корреспонденций поставлял его воспитанник молдаванин Петро (Петраки) Узун-Тома. Его рукой и переписаны многие из донесений. Часть же «сюжетов» давала происходящее на Афоне (к примеру, дело Ильинского скита, антирусские настроения в болгарском Зографе и т. п.). О «деле скита Св. Пророка Илии» см. также в статье «Панславизм на Афоне»: [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 242–244].

кн. 1, с. 311–312)]¹². Чтобы быть и близко от «эпицентра» конфликта (речь шла об избрании нового настоятеля), и в то же время вне его, он остановился в Андреевском скиту, куда к нему приходили представители разных «партий» ильинцев. Тогда-то он хорошо познакомился и с дикеем Андреевского скита о. Феодоритом (Крестовниковым)¹³, с которым и позднее поддерживал отношения¹⁴, и с его помощником иеромонахом Дорофеем¹⁵.

В донесении Игнатъеву от 3 декабря 1871 г. Леонтьев внушал мысль о необходимости поддержать ходатайство скитян о возведении их обители «в звание самобытного монастыря, 21-го на Афоне» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 338]. Посол отрицательно отнесся к «притязаниям» андреевцев, как он выразился в своем рескрипте [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 578].

Леонтьев полюбил Андреевский скит, пожалуй, не меньше Руссика¹⁶, хорошо узнал историю его возникновения, что нашло отражение и в его статьях [см.: Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 136–137, 215, 229–230, 251, 253, 261, 263]¹⁷. Со временем ему даже удалось заинтересовать старшую братию скита необычным предложением: стать издателем «всех его сочинений». Издания должны были печататься в Москве под присмотром знакомых скиту благотворителей. 26 марта 1874 г. в Константинополе будет даже письменно заключено условие об этом (документ публикуется ниже по автографу Леонтьева — экземпляру, сохраненному о. Дорофеем, с подписями их обоих). Задуманное не состоялось, ни одно произведение Леонтьева не было издано

¹² Об истории Ильинского скита см.: [Феннелл, Троицкий, Талалай].

¹³ Игумен Феодорит (в миру Федор Крестовников; 1822–1887) был настоятелем Андреевского скита с 1862 г. Происходил он из крестьян Симбирской губернии, на Афоне подвизался с 1843 г. Упомянув о нем значительно позднее, в 1884 г., в одном деловом письме, Леонтьев скажет: «...знакомый мне человек, Афонский архимандрит Феодорит, которого я очень люблю» [Леонтьев, т. 12, кн. 1, с. 76]. См. также примеч. 14 на с. 186 наст. изд.

¹⁴ В письме к о. Макарию (Сушкину) от 1 мая 1889 г. Леонтьев вспоминал: «...я несколько раз виделся в Москве с покойным и добрейшим Архимандритом Феодоритом Андреевским. Он тоже всякий раз посещал меня, и я всегда был ему очень рад. Он хоть и легкомысленный был человек и шутить любил, для Святогорца немножко и через меру, но за его доброту и ум — я его очень любил. У него я также всегда расспрашивал о Руссике...» [Леонтьев, т. 12, кн. 2, с. 267]. См. об отправленных Леонтьевым о. Феодориту посылках: [Леонтьев, т. 12, кн. 1, с. 503].

¹⁵ Иеромонах Дорофей (в миру Иван Ермолаевич Кудрявцев; 1833–1907) происходил из государственных крестьян Вятской губернии; в 1859 г. поступил в Андреевский скит, где впоследствии нес послушание казначея. См. о нем подробнее: [Талалай 2023].

¹⁶ Как нам кажется, его отчасти привлекала вот такая особенность: «Общежитие Андреевское менее строго, не столько по уставу, сколько по обычаю, чем общежитие Пантелеймоновской греко-русской обители; но эта разница служит на пользу людям набожным или желающим постричься на Святой Горе. Те, что сразу не в силах вынести суровый устав Руссика и некоторых греческих киновий, поступают в Андреевский скит» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 229].

¹⁷ Большие фрагменты посвящены скиту в статье «Панславизм на Афоне».

скитом. (Пантелеимоновский же монастырь однажды лишь использовал основные положения леонтьевских статей о панславизме в полемической брошюре иеромонаха Азарии (Попцова), см.: [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 771–772].) Возникает вопрос: зачем Леонтьеву вообще понадобилось заключать подобный «контракт» (так документ именуется в письмах к о. Дорофею)? Ведь находясь в Турции, он еще был уверен, что в «Русском вестнике» поместят любую его работу. Катков и печатал его, и щедро присылал авансы (это уж потом, когда ветер переменится и Катков решит, что Леонтьев «договорился до чертиков» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 96], а значит, печатать его статьи не стоит, автор окажется связан цепью громадного долга). Можно предположить, пожалуй, вот что: в сношениях с редакцией «Русского вестника», ведшихся преимущественно через однофамильца Константина Николаевича, П. М. Леонтьева, мог возникнуть перерыв, заставлявший беспокоиться. Известно, что Леонтьев не хотел покидать Константинополь, где оказался после Афона, но поспешить в мае 1874 г. в Россию его заставила именно неопределенность ситуации с катковским журналом. Он понимал, что «на месте» проще будет выяснить, как обстоят дела, и поторопить с изданием уже давно присланных произведений. Таким образом, идея издаваться, образно говоря, «под андреевским флагом», была необходима, по большей части, как бы «для подстраховки». Кроме того, в контракте, заключаемом на три года, специально оговаривается, что речь идет только об отдельных изданиях¹⁸, что не исключает газетных и журнальных публикаций.

Однако мы несколько забежали вперед. В январе 1872 г. Леонтьев по настоянию Игнатьева приезжал в Салоники, чтобы сдать дела заменяющему его битольскому консулу Н. Ф. Якубовскому, и опять вернулся на Афон, где становилось беспокойно: в связи с так называемой «греко-болгарской церковной распрей» в преддверии Поместного собора, осуждающего ересь филетизма (он состоится в Константинополе в сентябре), росло недоверие греков к славянам, и особенно к русским монахам, а загостившийся на Афоне русский консул казался многим каким-то секретным агентом, проповедником панславизма (причем обвинялся и Андреевский скит, где будто бы пропаганде консула «помогают *десять русских монахов-писарей*» [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 240], чего, конечно, на деле не было). Имя Леонтьева стало появляться в греческих газетах в отрицательном контексте.

¹⁸ Интересно, что предпринятое Катковым трехтомное издание повестей Леонтьева под названием «Из жизни христиан в Турции» вышло до истечения срока контракта, в 1876 г. Либо Леонтьев позабыл о нем, либо уже ранее получил от о. Дорофея известие, что соглашение — за невозможностью исполнить его — считается «яко не бывшим».

Он тем временем подал прошение о продлении до 1 сентября [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 595] отпуска, который, естественно, собирался провести на Афоне, где и так неофициально находился. Он познакомился со многими обителями. Возвращаясь зимой из Салоник, из-за болезни должен был надолго остаться в Зографе, где, между прочим, и начал работать над «Византизмом и Славянством». Пост и Св. Пасху провел в Руссике, периодически совершая небольшие путешествия-паломничества (в том числе и за пределы Афона). Возможно, не забывал и Андреевский скит. Первые две записки, адресованные о. Дорофею, вероятнее всего, были написаны в летние месяцы, когда Леонтьев путешествовал «в Каваллу и Серрес» [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 33], жил в скиту Крумица.

А затем вышло так, что Леонтьев получил разрешение остаться на Святой Горе именно тогда, когда уже вернулся по благословению старцев в мир. Об этом он пишет Игнатьеву 25 сентября 1872 г., поясняя, что «возвратиться на Афон опять по многим причинам было бы теперь неудобно» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 604]. Возможно, одной из причин «неудобства» дальнейшего присутствия на Афоне были осложнения национальных отношений (в предыдущем письме, от 28 августа, Леонтьев упоминал «клеветы» греков, но полагал тогда, что «2–3 недели больше или меньше, конечно, не ухудшат и не улучшат их политические о нас мнения» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 599]). Интересно при этом, что сам Леонтьев мог поддерживать беседу на греческом языке и охотно общался на Афоне (как потом будет и на о. Халки) с греческими монахами. Так, например, удалось выяснить уникальную подробность — его знакомство и беседы с великим подвижником Хаджи-Георгием (1806–1896) [Фетисенко 2012а, с. 118–119]. Как стало известно теперь из архивных материалов Андреевского скита, и в тамошней братии не все были довольны присутствием Леонтьева на Афоне, ожидая от этого осложнений. В этом духе сразу после отъезда Леонтьева писал о. Феодориту его ближайший помощник иеромонах Паисий (Левицкий)¹⁹, которому, кстати, в одном из писем к о. Дорофею Леонтьев, как увидим, дружески кланялся. «Пребывание его и действия, — говорится в письме, — уронили русских в глазах других наций, жалко (если) такие защитники и представители будут, то нам бедным не утешение»²⁰.

¹⁹ К сожалению, начало письма не сохранилось, поэтому точно датировать его невозможно. Приблизительная датировка: середина сентября 1872 г.

²⁰ РААС. Оп. 14. Д. 307. Док. 16623. Л. 1–1 об. Из этого же письма выясняются уникальные, важные для биографии Леонтьева подробности. Ранее была известна сообщенная им самим дата оставления Афона: 15 сентября 1872 г. [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 603]. О. Паисий же приводит точнейший «маршрут» отъезда, перед которым консул последний раз побывал в Андреевском

О. Дорофей неоднократно приезжал в Константинополь по делам скита, встречи с Леонтьевым продолжались, и, как мы уже знаем, 26 марта 1874 г. было заключено «условие» об издании его сочинений, а на другой день Константину Николаевичу даже удалось занять у иеромонаха довольно большую сумму — 50 турецких лир (расписка тоже сохранилась и публикуется ниже). Он вообще умел везде найти кредиторов, занимал и перезанимал, чтобы отдать старый долг, и так всю жизнь и бился в этой добровольной кабале. (Предсмертные письма к друзьям полны рассказами о том счастье, которое он теперь испытывает, выплачивая понемногу по давним обязательствам, о своем горьком раскаянии, что так и не смог заплатить янинскому кавасу — охраннику консульства — Тодори, который умер в бедности. Остается неизвестным, что стало с долгом о. Дорофею.)

4 мая, т. е. почти через полтора месяца после подписания «контракта», перед самым отъездом Леонтьева в Россию, о. Дорофей вручил ему обещанное рекомендательное письмо к московскому купцу первой гильдии, известному храмоздателю Николаю Васильевичу Лепёшкину (1819—1882)²¹, который, по мысли афонита, и должен был организовать издание трудов писателя-христианина (финансировать же его взялся бы сам скит). Это письмо уже было опубликовано, однако не будет лишним привести его и здесь (теперь оно обретает свой настоящий контекст). Сохраняем орфографические особенности подлинника.

скиту (важно отметить: думали тогда, что он из Константинополя выедет в Россию, но перед этим еще раз побывает на Афоне): «Г. Леонтьев 11 числа отправился в Руссик, а оттуда на другой день к жене (во время пребывания К. Н. Леонтьева на Святой Горе его жена, Е. П. Леонтьева, жила на границе Афона, то в с. Ерисо (Иерисосе), то «на Пирге» (так, от греческого слова πύργος — 'башня', называли подворье Ватопедского монастыря; ныне Уранополь); см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 33]. — М. Т., О. Ф.) и сухим путем на наш метох (подворье. — М. Т., О. Ф.), потом в Кавалу и Константинополь, но еще через м(еся)ц обещался быть, но с тем чтобы Генеральный фандарик занять» (РААС. Оп. 14. Д. 307. Док. 16623. Л. 1 об.; фандарик — искаж. «архондарик», монастырская гостиница или приемная). Далее рассказывается о том, что Петраки (воспитанник Леонтьева) отправился с ним только до Салоник, о певчем (басе Иване), который просился проводить консула, о том, что Леонтьев «выпросил» в скиту лошадь («а другую в Руссике хотел взять» — л. 1 об.; но взял только мулов, за что потом благодарил в одном из писем о. Макария [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 318]). Примечательное свидетельство прощания Леонтьева с Афоном — запись в книге почетных посетителей Андреевского скита (публикуется далее, после писем к о. Дорофею). Упоминания о салоницком консуле содержатся и в ряде других писем иеромонаха Паисия к о. Феодориту, которые могут стать предметом отдельного исследования.

²¹ В архиве скита сохранилось четыре его письма к о. Дорофею; см.: [Талалай 2023, с. 283].

Конст(антинополь) 4 Мая 1874.

Милостивый Государь
Николай Васильевич!

Рекомендую Вам подателя Сего писма Г-на Константина Николаевича Леонтьева, бывшего Русского Консула в Солониках и хорошего нашего знакомого; мы с Им пришли в соглашение об издании его сочинений. Теперь на первой раз прошу Вас, примите на себя труд заказать в типографии издать 1200 Экземпляров Книгу под заглавием: *Византизм и Славянство*. Бумагу купите сами и какое будите иметь условие с типографией нас уведомте, Естли можете поскорее, что будет стоить Это издание. Я надеюсь, что Вы не отяготитесь сего исполнить. Денги по первому Вашему Извещению мы пошлём к Вам по переводу.

Итак, я надеюсь, что Вы исполните мою просьбу, о чем будет писать к Вам и Старец; я сейчас отправляюсь с Г(осподино)м Муравьевым на Афон. Мой поклон всему Вашему Семейству.

Остаюсь
Любящий Вас

И(еромонах) Дорофей

[Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 579]²².

Из «российских» писем Леонтьева к о. Дорофею выясняется, что рекомендация затерялась, Лепёшкин просил прислать новую. Остается загадкой, каким образом отыскалось майское письмо 1874 г. и почему оно оказалось у Леонтьева (единственное пока возникающее предположение: несостоявшийся меценат «русского византийца» вернул его за ненадобностью). Леонтьев (тогда послушник Николо-Угрешского монастыря) 1 декабря того же года передал его литератору И. Ф. Красковскому, который недолгое время выполнял его поручения в Москве. В архиве Красковского, впоследствии побывавшего на Афоне и написавшего очерк о старце Макарии (Сушкине), документ и сохранился²³. Передавая его, Леонтьев писал своему тогдашнему помощнику: «Посылаю Вам письмо от *Иеромонаха Дорофея к Лепёшкину*. Я только что получил его. — Вы не забудете и не потеряете его?» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 394].

Обнаруженные в архиве Андреевского скита уникальные материалы восполняют пробелы в биографии мыслителя: наиболее раннее из прежде

²² В письме упомянут благодетель Андреевского скита духовный писатель, поэт и церковно-общественный деятель Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874).

²³ ОР РГБ. Ф. 141. Ед. хр. 12.

известных писем «послетурецкого» периода датировано только 18 августа 1874 г. [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 381—382]. Теперь же у нас есть возможность узнать о настроении Леонтьева в первый месяц по возвращении в Россию, о его первой беседе с М. П. Погодиным. Октябрьских писем в отечественных архивах тоже имеется всего два [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 382—385]. В новооткрытых, помимо подробностей о переговорах с Лепёшкиным, находим неопределимое указание на то, что Леонтьев обсуждал с андреевцами не только свои издательские планы, но и мечту основать вместе «скиток» на Принцевых островах, которые он так полюбил. О его мечте провести остаток дней на острове Халки было известно и ранее, но только из письма к о. Дорофею становится известно, *как* он видел осуществление этого желания. Находка в монастырском архиве открывает нам, таким образом, новые черты в жизни писателя, пережившего вблизи Святой Горы и на ней внутреннее перерождение.

Письма печатаются с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей источника. Курсивы передают подчеркивания в тексте, в том числе в подписях и авторских обозначениях даты и места написания писем.

ПИСЬМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

1

*⟨1872, не ранее второй половины января, не позднее 10 сентября;
скит Крумица на Святой Горе Афон⟩*

Отец Дорофей,

Когда же Вы к нам на Крумицу?¹ Давно пора бы Вам в Солунь и так далее². —

Если бы у Вас вместо пре-красного о. Спиридона³ был бы хороший опытный фершел — Вы бы давно были бы здоровы. —

Жду Вас с нетерпением сюда. —

Ваш К. Леонтьев

¹ Принадлежащий Свято-Пантелеимоновскому монастырю скит Крумица расположен в 25 верстах от него, на границе Святой Горы. Устроен стараниями старца Макария (Сушкина) на месте существовавшей здесь с 1836 г. келлии. Благоустроивал скит болгарин схимонах Иоанникий. Вероятнее всего, первое письмо к о. Дорофею датировано июлем или августом 1872 г., когда Леонтьев мог жить в скиту как на монастырской даче, поскольку Крумица считается одним из лучших мест Афона по климатическим условиям. Перед этим, в июне, он уже намеревался выехать в Константинополь, но по дороге заболел и вернулся на Афон. О дате отъезда со Святой Горы см. во вступ. ст.

² Солунь (Салоники) — в то время центр Македонского вилайета, ближайший к Афону крупный административный центр. Под «и так далее» Леонтьев подразумевает

Константинополь (путь туда лежал именно через Салоники). В столицу о. Дорофей, вероятно, должен был отправиться в связи с хлопотами о самостоятельном статусе Андреевского скита.

³ Речь идет о монахе Спиридоне (в миру Семен Иосифович Малышов (Малышев); 1818–1905), насельнике Андреевского скита с апреля 1853 г., в том же году (в ноябре) постриженном в мантию, а в 1879 г. — в схиму с именем Симон, уроженце Дмитровского уезда Московской губернии. На Афон он прибыл тайно после смерти жены и двоих детей. Происходил он из крестьян, в скиту нес послушание доктора, хотя ясно, что был самоучкой. Приставка «пре» подписана Леонтьевым на полях. «Красным» (в п. 2 — «красненьким») он называет монаха, возможно, за его политические убеждения, расхвалившиеся с леонтьевским ультраконсерватизмом.

2

*⟨1872, не ранее второй половины января, не позднее 15 сентября,
Святая Гора Афон⟩¹*

Почтеннейший Отец Дорофей, я велел Вам сделать прекрасное лекарство², при котором можно и выходить; но если Ваш *красненький* докторок положит Вам вовсе не то и не так, как я сказал, и отравит Вас — я не виноват. — Я его боюсь решительно.

Будьте здоровы.

К. Леонтьев

¹ Записка простым карандашом.

² Бывший военный врач Леонтьев, как видим, и на Афоне не забывал о своей специальности. Укажем также на его письмо от 28 ноября 1873 г. из Константинополя к о. Макарию (Сушкину), в котором он дает советы, как предохраниться от холеры [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 369–370].

3

12 июля 1874 г., Кудиново

12 июля; 1874. —

С. Кудиново. —

Святителю отче Дорофее!

Благословите! — Наконец, добрейший мой авва, добрался я после разных мытарств до родимого моего гнезда — сельца Кудинова, в Калужской Губ(ернии)¹, — где нашел свою сироту племянницу Марью Владимировну² одинокою по смерти отца³ и погруженною вполне в хозяйство и молитву. — Успокоившись и посетивши для панихиды могилы родных⁴, я собрался извести Вас о себе и о наших общих делах⁵. —

Проездом через Москву я был в доме Лепёшкина⁶ и, узнавши, что он до осени будет за границей, письма отдать его детям⁷ не хотел, а отложил всё дело до осени. — Осенью надо будет непременно мне ехать в Москву для

окончания всех этих дел⁸. — Я был еще у известного г. Погодина и познакомился с ним⁹. — Он принял большое участие в судьбе моего «Византизма» и сказал, что если Лепёшкин опоздает или если я встречу с его стороны другие затруднения, то он сам (т. е. Погодин) поможет мне издать эту книгу¹⁰. — Я ему заметил на это, что у меня есть *условие с одним человеком*¹¹, с которым я должен делить барыши пополам, — и потому надо, чтобы издавал Лепёшкин. — А Погодин ответил: «Если Лепёшкин опоздает или случится что-нибудь еще такое, — какая же беда, что другой издаст. — Вы все-таки ½-вину барыша пошлите *тому человеку*: он Вам после этого будет еще больше доверять, и на другие ваши издания еще охотнее даст Вам денег». —

Я так и сделаю, если с Лепёшкиным что-нибудь будет неудобно; — а Вы, не *откладывая* в долгий ящик, постарайтесь тогда найти мне другого человека, ибо нельзя же всегда беспокоить старика Погодина. — Раньше октября книга выйти не может. —

Прощайте, добрый мой отче — передайте мое сыновнее почтение о. архимандриту¹² и не забывайте любящего и Вас, и весь Скит Ваш

К. Леонтьева.

¹ Об истории сельца Кудиново, приобретенного дедом Леонтьева, см.: [Берговская]. Здесь Леонтьев родился (13 января 1831 г.) и рос, сюда стремился возвращаться. Однако имение было разорено, запущено, зимой в нем жить было нельзя, дом еще матерью писателя был продан «на слом», оставалось только три бревенчатых флигеля.

² Мария Владимировна Леонтьева (1847–1927) — племянница, ученица, помощница в перебеливании рукописей и впоследствии наследница и хранительница архива Леонтьева. В 1869 и 1870 гг. она приезжала подолгу гостить в Янине, где Леонтьев был консулом, а в 1871 г., видимо, неожиданно для него вместе с О. М. Кошевской (двоюродной сестрой А. Н. Майкова) явилась и в Салоники, последнее место его дипломатической службы. Сложная гамма взаимоотношений с племянницей — одна из побудительных причин к религиозному обращению и покаянию Константина Николаевича. Влюбленная в него Мария Владимировна тяжело переживала его отъезд на Афон, писала ему из Петербурга, прося вернуться в Россию и не пренебрегать занятиями литературой. К 1874 г. ее состояние было более спокойным. 4 ноября, уже из Николо-Угрешского монастыря, Леонтьев напишет своему другу К. А. Губастову: «Маша ужасно постарела; — она летом, вероятно, тоже идет в монастырь. — Я очень рад» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 388]. В 1882 г. М. В. Леонтьева поселится в Орловском Введенском женском монастыре, где станет учительницей в школе. Воспоминания ее см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 73–140].

³ Один из четырех старших братьев Леонтьева, Владимир Николаевич (1818–1873), публицист, сотрудник газеты «Голос» (с 1863), скончался в Кудиново, куда ему пришлось скрыться из Петербурга в 1872 г. из-за долгов и ухудшившегося здоровья дочери.

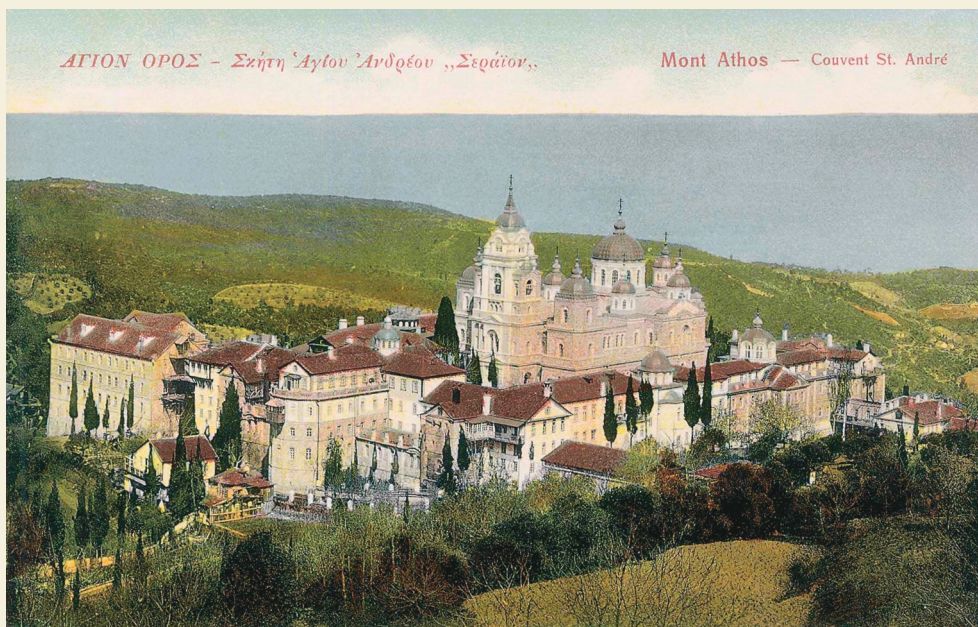
⁴ Имеются в виду могилы матери, тетушки и брата на погосте Успенской церкви села Велино, ныне находящейся в руинах. Леонтьев впоследствии надеялся перезахоронить их останки в Оптиной пустыни и получил на это благословение старца Амвросия [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 39–40]. Могилы отца (номинального, Н. Б. Леонтьева; настоя-

Иеромонах Дороефй (Кудрявцев).
Фотография

К. Н. Леонтьев. Фотография 1867 г.

Андреевский скит. Открытка 1900-х гг.

Честная глава о. Дороева (Кудрявцева). Современная фотография.
Публикуется впервые

12 июля 1874.
 К. Кудрявцеву
 09-44-6664-1/2

Святиишии отец

Дорогой!

Благодарю Вас за письмо,
 доставившее мне много радости,
 и многа раз побуждало к размышлению
 о родимом крае, о родимых
 селах Кудрявце, о Кудрявцах
 24, - об имених своих сыновей
 Александрову, Марку Владим.
 Николаю, Дмитрию и Василию
 Николаевичу - и о родимом крае
 в особенности - о Кудрявце. Ужасно
 мне и больно за Кудрявца

Первая страница письма К. Н. Леонтьева иеромонаху Дорофею (Кудрявцеву) от 12 июля 1874 г. Автограф. РААС. Публикуется впервые

09-45-6953-1/2

Условие

1. Супругам К. Н. Леонтьевым
 Русские Школа на Остроге Остро-
 гово отпущены в распоряжение и в пользу
 Католической миссии (составляющей
 составную часть) для исполнения кон-
 тракта Коллежского Общества Като-
 лической миссии.

2. Супругам, оставшимся за раз-
 делом на Юрьеве, материальными ус-
 ловиями и, в случае необходимости,
 материальными средствами, бывшей миссии
 по делу и в распоряжении, бывшей миссии

«Контракт» К. Н. Леонтьева и о. Дорофея. Автограф. РААС. Публикуется впервые

6953-2/2

реша).

5. На экземпляре Бюле Дю
содержащий, Москва 1871 г. и
на Андреевского Скита на Св. Духа
Дружеское общество -

6. Условие сие. миссия сию
при соде.

Мерина 26го Июля, 1871 года, Константинополь

Срочная Дороева

Отставной Коллежский
Секретарь: К. Леонтьев

«Контракт» К. Н. Леонтьева и о. Дороева. Автограф. РААС. Публикуется впервые

15

Hubert L. W. Jerningham
Secretary of the Majesty's Embassy, Constantinople
Ferdinand J. Hoffe — 19/01 August 1871.
— 19/01 August 1871

М. Эрмитаж. Леонтьеву г-ну Ивану,
Иностранецу не в мн
По уса-не мекко,
А в в роит сие не романс!

К. Леонтьев; 1871 г.
Секретарь 6го Св. Духа
Отставной Коллежский

Запись К. Н. Леонтьева в книге почетных посетителей Андреевского скита.
Автограф. РААС. Публикуется впервые

щим отцом К. Н. Леонтьева был В. Д. Дурново) и других родных «со стороны *Леонтьевых*» в Мещовском Георгиевском монастыре Константин Николаевич посетит только через год — в начале октября 1875 г. [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 471, 462]. «Я не был в Мещовске лет 30! — напишет он К. А. Губастову. — Кладбище вычищено и поправлено с тех пор новым настоятелем, и я не могу найти и следа этих могил...» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 471].

⁵ Подразумевается помощь о. Дорофея в деле издания книги Леонтьева «Византизм и Славянство» (см. во вступ. ст.).

⁶ Н. В. Лепёшкин (см. о нем во вступ. ст.).

⁷ Старшие сыновья Н. В. Лепёшкина: Василий (1842 — не ранее 1896) и Иван (1851 — не ранее 1896); дочери: Елизавета (в замуж. Штром; 1844 — не ранее 1896) и Мария (ок. 1846). Младший сын — Сергей Николаевич (1860–1902), впоследствии (1897–1900) гласный Московской городской думы, как когда-то (с 1877) его отец.

⁸ С этого момента (приезда в Москву осенью, «по окончании всех дел по имению», что скрывало за собой получение ссуды под его залог в банке) начинается повествование в незавершенных записках «Моя литературная судьба», создававшихся в 1874–1875 гг. [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 72].

⁹ Историка М. П. Погодина Леонтьев встречал в Москве еще в 1849–1850 гг. (см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 34]), но, скорее всего, не был представлен ему. В октябре 1853 г. он писал Погодину, предлагая в «Москвитянин» свой рассказ «Ночь на пчельнике» (см.: [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 9–10, 502]), но не заинтересовал издателя: рассказ будет опубликован только в 1857 г. в «Московских ведомостях». О встрече в июне 1874 г., сыгравшей большую роль в жизни Леонтьева, см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 88]; о последующих см.: [Там же, с. 88–90, 96–97]. Приготовленную «для печати» часть книги «Византизм и Славянство» Леонтьев отправит Погодину вместе с письмом от 29 октября 1874 г. [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 383].

¹⁰ Погодин рекомендует Леонтьева историку О. М. Бодянскому [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 96], который и издаст «Византизм и Славянство» в редактируемых им «Чтениях в Обществе любителей древностей российских при Имп. Московском университете». Выход почти целиком отведенной под труд Леонтьева третьей книги за 1875 г. задержится до февраля 1876 г.

¹¹ Подразумевается сам о. Дорофей.

¹² Речь идет об о. Феодорите (Крестовникове); см. о нем во вступ. ст.

4

7 октября 1874 г., Москва

Октября 7-го; 1874.

Москва

Добрый мой отче Дорофее!

Лепёшкин вернулся из-за границы, и я, наконец, на днях вырвался из своей деревни в Москву¹, чтобы заняться делом серьезно. —

Вчера я был у Лепёшкина и, вообразите, какая случилась неприятность. — В июне месяце проездом через Москву я был у него, он был за границей тогда, и я сделал неосторожность. — Мне бы нужно было или удержать у себя Ваше письмо, или узнать, когда сыновья Лепёшкина при-

езжают с дачи в Москву и передать им письмо самому в руки, а я отдал его *дворнику*. — Теперь его в Конторе не могут разыскать². —

Контракт наш³ Лепёшкин прочел и сказал, что он не будет делать затруднений в исполнении этого поручения и деньги даст на печатание, но что ему необходимо заручиться *Вашим письмом*, а старого отыскать не надеется. —

Смотрите же!.. будьте верны Вашему слову (чтобы недаром Вас хвалили все узнавшие об этом деле в Константинополе и здесь — «*вот, мол — какой умный монах!* — *Какой молодец Дорофей!* *Не ожидал я этого от афонца!*») Так говорили люди наши (Хитров, Ону, Губастов и *дамы!*)⁴(!). —

Страхните главное вашу великорусскую *лень* (всем нам общую)⁵ и не откладывайте ответа *до завтра*. —

Дела мои здесь тотчас по приезде пошли, благодаря Господу Богу и Пресвятой Владычице нашей Богородице⁶, *хорошо*. — Все люди сильные здесь отлично принимают меня⁷, и у Каткова я *устроился*; — так что могу без больших, кажется, стеснений прожить зиму и печатать столькие еще ненапечатанные вещи⁸. — *О монастырях не только не забываю*, но и на ту деятельную и довольно светскую жизнь, которая мне предстоит, кажется, здесь, я смотрю лишь как на временную и как на необходимое средство устроить поспокойнее мои дела, жену, имение и т. д. и потом надеть поскорее рясу, которая все-таки не будет мне и после мешать писать⁹. —

Смотрите, не испортите дел, не *запоздайте ответом!* — И Лепёшкин будет сегодня же Вам об этом писать¹⁰. — Болгарский вопрос требует некоторой спешности. —

И еще вот что, не забывайте наших планов *об островах Халки, Антигоне* и т. д.¹¹ — По очистке разных дел¹² я могу продать свое калужское имение и выручить за всеми уплатами все-таки *тысяч 5*¹³. —

Хорошо бы *вместе* устроить *скиток* на островах! —

Благословите и простите. —

У батюшки о. игумена¹⁴ (*лжуща Меня ради*¹⁵) и о. Паисия¹⁶, и у Вашего Преподобия лобызаю десницы и остаюсь Ваш грешный

К. Леонтьев.

Адрес мой — в редакцию *Русского Вестника*¹⁷. —

Не зная, *где* вы, я посылаю завтра еще два таких же письма в Одессу и на Афон¹⁸; а это в Царьград. —

¹ Леонтьев прибыл в Москву в конце сентября [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 418]. 1 октября датировано его письмо к кн. К. Д. Гагарину, в котором он уже «докладывает» о ходе своих дел [Там же, с. 382–383].

² Письмо каким-то образом все же нашлось; см. во вступ. ст.

³ Имеется в виду датированный 26 марта 1873 г. договор, заключенный между о. Дорофеем и Леонтьевым. Помещаем его далее вслед за письмами.

⁴ Упомянуты посольские друзья Леонтьева секретарь Михаил Александрович Хитрово (он же и друг детства Леонтьева; 1837–1896), драгоман Михаил Константинович Ону (1835–1901) и младший секретарь Константин Аркадьевич Губастов (1845–1919). «Дамы» — жена посла Екатерина Леонидовна Игнатьева (урожд. кж. Голицына; 1842–1917), жена советника посольства Ольга Дмитриевна Нелидова (урожд. кж. Хилкова; 1839–1918), Луиза Францевна (Елизавета Александровна) Ону (урожд. Пети де Баронкур; 1843–1909), Софья Петровна Хитрово (урожд. Бахметева; 1846–1910) и, возможно, кн. Амалия Павловна Мурузи (урожд. Зизиния; ок. 1850–?). Со всеми ними о. Дорофей, бывавший в Константинополе, вероятнее всего, был знаком лично. Об общении Леонтьева с константинопольскими приятелями см.: [Фетисенко 2012b; 2014; 2016; 2020].

⁵ В письмах Леонтьева можно найти множество горьких сетований на эти лень, не-обязательность или попросту «великоруссизм» (ср., например: [Леонтьев, т. 11, кн. 2, с. 351; т. 12, кн. 2, с. 403]).

⁶ Свое пребывание в Москве Леонтьев начал с посещения Иверской часовни у Воскресенских ворот Кремля [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 72], что ему было особенно дорого после года, проведенного на Афоне.

⁷ У Леонтьева были рекомендательные письма к княгине Н. Б. Трубецкой, известной московской благотворительнице, князю В. А. Черкасскому и к бывшему дипломату, а на момент приезда бывшего консула в Москву — чиновнику придворного ведомства В. С. Неклюдову [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 387]. Летом он почти никого не застал в городе, так что воспользовался рекомендациями уже во второй приезд. Под «сильными людьми» он мог подразумевать И. С. Аксакова, который поначалу очень к нему расположился, и кн. Черкасского.

⁸ Надежды оказались иллюзорными. См. во вступ. ст. С Катковым в июне Леонтьев встретился «раза три» и получил от него аванс 700 руб., см.: [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 79; Летопись, ч. 1, с. 474].

⁹ Уезжая из Турции, Леонтьев намеревался поселиться в России в монастыре, но так, чтобы иметь возможность продолжать литературные занятия. Монашеский постриг по его семейным обстоятельствам мог быть только тайным. Еще в 1873 г. он обращался к о. Леониду (Кавелину), пытаясь договориться о возможности обосноваться при Ново-Иерусалимском монастыре, но получил отказ. В августе 1874 г. Леонтьев приехал в Оптину пустынь с рекомендательными письмами от афонских старцев Иеронима и Макария, но тогда он еще не видел в этом монастыре места своей «последней пристани», а склонялся к подмосковному Николо-Угрешскому монастырю, с настоятелем которого успел познакомиться в июне. Через месяц после обращения к о. Дорофею Леонтьев уже был угрешским «неприукраженным» послушником.

¹⁰ Вот что написал Лепёшкин:

Москва 5-е (8?) октября 1874

Почтеннейший Отец Дорофей

Давно не имел сведения, где Вы теперь находитесь. Вчера был у меня г. Леонтьев и сказывал, что в июне месяце он доставил дворнику письмо от Вас на мое имя, но я письма не получал, тогда был за границей, а по приезде оно не оказалось. Леонтьев сказывал мне, что у Вас было с ним условие насчет печатания книг и показывал оно, но так как я не знаю, что было писано в письме, то и не мог сказать ему ника-

кого ответа; то если что нужно, напишите, я ему передам. Взойти в это дело я не могу, но если нужно будет выдать за Ваш счет денег, то, по приказанию Вашему, я выдам. (РААС. Оп. 9. Док. 6796. Л. 1).

¹¹ Имеются в виду Принцессы острова в Мраморном море. Леонтьев с марта 1873 г. по конец апреля — начало мая 1874 г. жил на о. Халки, который ему особенно полюбился. Здесь он общался и с профессорами духовной школы, и с отшельниками в лесу. Сюда он мечтал вернуться.

¹² Ф. П. Леонтьева завещала свое имение сыновьям Владимиру и Константину и внучке М. В. Леонтьевой. Братья Борис и Александр настаивали после смерти Владимира на том, чтобы им выплатили значительные суммы «отступного».

¹³ Имение будет продано в 1882 г. за меньшую сумму.

¹⁴ Подразумевается о. Феодорит. Официально на Афоне скитоначальник именуется греческим словом «дикей», но неофициально как среди русских, так и среди греков — игуменом.

¹⁵ «...На вы (на вас) лжуще, Мене ради» — цитата из Заповедей блаженства (Мф. 5: 11). Контекст и смысл обыгрывания этих евангельских слов ясен только автору и адресату письма.

¹⁶ Имеется в виду иеромонах Паисий (Левицкий; ?–1877). По происхождению петербургский мещанин, поступил в скит в 1852 г., пострижен в 1853 г. Проходил послушания келейника скитоначальника Виссариона (Толмачева), певчего, казначея, наместника, в 1860-е гг. находился в России по сбору с чудотворной иконой Пресвятой Богородицы «В скорбях и печалях Утешение», в 1870-е гг. был представителем скита в Петербурге, где и скончался. Погребен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

¹⁷ Ср. в письме к кн. Гагарину: «...самый верный адрес в Редакцию» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 383].

¹⁸ Одно из них сохранилось; см. ниже.

5

8 октября 1874 г., Москва

Октября 8-го; 1874.

Москва. —

Добрейший отче Дорофее!

Лепёшкина летом не было в России; я имел неосторожность отдать письмо Ваше дворнику его; теперь его в конторе не могут розыскать. — Лепёшкин видел контракт наш и от дела не отказывается, но желает иметь от Вас письмо. — Он сам обещал писать Вам в Одессу; — а я другое письмо написал еще поподробнее Вам об этом в Константинополь¹. — Которое-нибудь да дойдет, а вы уж, пожалуста, в долгий ящик не откладываете по вашему обычаю великорусскому и ответьте Лепёшкину сейчас. —

Здесь влиятельные люди приняли меня еще лучше, чем я ожидал². — От Вас, отче, теперь зависит не испортить дела.

Ваш К. Леонтьев

Простите и благословите! —

¹ См. п. 4.

² Речь прежде всего идет о славянофильском кружке и И. С. Аксакове.

6

30 ноября 1875 г., Кудиново

30 ноября, 1875

Сельцо Кудиново. —

Отче Дорофее! Отче! отче!

Еще раз, еще раз, еще раз прошу Ваше Преподобие выслать новое письмо Лепёшкину о нашем деле¹. — Я писал Вам, что он и прошлой зимой соглашался хоть сейчас дать денег на издание, лишь бы было от Вас *ему* письмо *кроме контракта* нашего с Вами (хоть подпись Вашу он узнал сейчас же)². — Нынешний год лучше; по поводу Герцеговинского восстания всё, что касается Востока, скорей разойдется³. — И я этот год свободнее и здоровее. — Вы спросите у Губастова, что со мной прошлого года делали *разные люди*⁴ помимо недугов и горестей!..

Простите — право, больше мне сейчас некогда писать. — Я по-прежнему люблю и свято чту его⁵ память, люблю Ваш Скит и Руссик⁶ — я всё тот же в сущности, хотя обстоятельства и изменились. — Верьте мне и простите, что много не пишу. — Если хотите знать больше обо мне, спросите у К(онстантина) Арк(адьевича) Губастова; — он всё знает. —

Я не знаю, *где Вы*, и так как письмо спешное, то посылаю через него⁷. —

Прошу Вашего благословения, целую десницу Вашу, а Вас самих обнимаю

Ваш всё тот же

К. Леонтьев.

Письмо к Лепёшкину адресуйте или прямо ему, или на следующий адрес:

В *Москву*. — На Малой *Серпуховской* улице в дом *Корниловой*. Е(е) Бл(агородию) Катерине Васильевне Самбикиной⁸ для перед(ачи) К. Н. *Леонтьеву*. —

А в середину вложите письмо к *Лепёшкину*. — Только *заказным* надо посылать. —

¹ Т. е. об издании книг Леонтьева. Главный труд, «Византизм и Славянство» (пусть и в сокращенном виде), был к этому времени уже «пристроен» в научный журнал, редактируемый Бодянским, но оставалось еще много работ, отвергнутых М. Н. Катковым (например, «Афонские письма»).

² См. п. 4.

³ Восстание в Герцеговине, начавшееся весной 1875 г., — первый предвестник будущих Сербско-турецкой и Русско-турецкой войн. Леонтьев думал об издании своей

статьи «Еще о греко-болгарской распре», книги «Афонские письма» и других сочинений.

⁴ Обращение к о. Дорофею было вложено в письмо к К. А. Губастову (см. примеч. 7), младшему другу Леонтьева, впоследствии товарищу министра иностранных дел. Он должен был рассказать о трудных жизненных обстоятельствах Леонтьева: о трудностях, которые он перенес в Николо-Угрешском монастыре, о судебном иске, поданном старшими братьями по делу о наследстве. «Разные люди» — это, вероятно, и братья, и московские славянофилы, изменившие отношение к Леонтьеву после его поступления в монастырь, и, может быть, сам угрешский настоятель архимандрит Пимен (Мясников).

⁵ Подразумевается Афон. Вероятно, в спешке Леонтьев после «по-прежнему люблю» пропустил это слово.

⁶ Обиходное название Свято-Пантелеимоновского монастыря, возникшее еще в XVII в.

⁷ Письмо о. Дорофею датировано 30 ноября, между тем о необходимости его спешной доставки говорится в послании к Губастову от 15 ноября (ответ на письмо последнего от 23 октября), вместе с которым оно и было отправлено: «Во-1-х, пожалуста, *поскорее и вернее достав(ь)те* прилагаемое письмо *О. Дорофею Андреевскому*; — то, что прошлого года не удалось с Лепёшкиным, быть может, нынешний год удастся» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 480]. Если дело было спешным, вряд ли 15 ноября Леонтьев говорил о еще не написанном письме или отложил отправку на две недели, до конца ноября. Скорее можно предположить другое: на письме о. Дорофею вместо «30 октября» он мог ошибочно поставить ноябрьскую дату. Потом же он поджидал ответа от Губастова, который вскоре и получил.

⁸ Екатерина Васильевна Самбикина (1842–1911) — племянница Леонтьева, дочь его сестры Анны Николаевны (1815 — до 1864). В 1860-е гг. служила гувернанткой, в 1878 г. — начальницей Мельниковского приюта и богадельни в Любани. В начале 1870-х гг. она стала близкой духовной дочерью и фактически одним из секретарей старца Амвросия Оптинского, от которого позже приняла тайный постриг. После кончины старца поступит в основанный им Шамординский монастырь, где в 1904 г. станет третьей по счету игуменьей; перед кончиной приняла схиму. В 1907 г. в Шамордино поступят и ее младшие сестры Наталья и София.

ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ

1

ЗАПИСЬ В КНИГЕ ПОСЕТИТЕЛЕЙ АНДРЕЕВСКОГО СКИТА

И грешный *Леонтьев* здесь был,

Иноческий мед пил —

По усам текло,

А в рот еще не попало! —

К. Леонтьев; 1872 года; —

сентября 6-го. — *Сарайский*

Скит Св. Андрея. —

(Автограф Леонтьева: РААС. Ф. 34. Д. 286. Док. 11535. Л. 25).

Предыдущая запись была сделана 19 (31) августа 1871 г. секретарем британского посольства в Константинополе Хьюбертом-Эдвардом-Генри Джернингэмом (1842–1914), впоследствии губернатором Тринидада и Тобаго, и его спутником Гербертом Хоупом. «Сарайский» — от *тур.* Сарай (Серай), дворец; так называли Андреевский скит, поскольку он был основан на месте внушительной патриаршей келлии XVII в., носившей это прозвание.

2

«КОНТРАКТ» К. Н. ЛЕОНТЬЕВА С ИЕРОМОНАХОМ ДОРОФЕЕМ

Условие

1. Иеромонах Св.-Андреевского Русского Скита на Афоне О. *Дорофей* обязуется издавать в Москве, Петербурге или Одессе (смотря по обстоятельствам) *все сочинения* отставного Коллежского Советника Константина Леонтьева. —

2. *Прибыль*, остающаяся за расходами на бумагу, типографские издержки и т. п., и сверх того процента, который будет назначен в пользу книгопродавца, *будет делиться пополам между Андреевским Скитом и К. Леонтьевым.* —

3. В Москве всеми делами по изданию (то есть учинять заказы книгопродавцам и типографиям, покупать бумагу, учинять с кем следует счета и о действиях давать отчет в Андреевский Скит) будет заведывать корреспондент Андреевского Скита Купец 1-й Гильдии *Николай Васильевич Лепешкин* или другое лицо, по указанию Скита, в случае отказа г. Лепешкина. —

4. Г. Леонтьев, не списавшись с О. Дорофеем или не переговоривши, *не может отдавать другим издателям свои сочинения для отдельного издания* (о помещении в журналах, сборниках и газетах здесь нет речи). —

5. — На сочинениях более духовного содержания можно помещать: «Издание Андреевского Скита на Афоне», на других не следует. —

6. Условие сие имеет силу *на три года.* —

Марта 26-го дня; 1874 года; Константинополь

Иеромонах *Дорофей*

Отставной Коллежский Советник: *К. Леонтьев*

(Автограф Леонтьева, подпись о. Дорофея — автограф: РААС. Оп. 9. Д. 45. Док. 6953).

3

РАСПИСКА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Я, нижеподписавшийся, взял займообразно *пятьдесят (50) турецких лир* у О. Дорофея, Андреевского Скита на Афоне, кои обязуюсь уплатить по предъявлении. — 27 марта; 1874. Константинополь. —

К. Леонтьев

(Автограф Леонтьева: РААС. Оп. 9. Д. 45. Док. 6954).

Литература

- Берговская — *Берговская И. М.* Кудиново в жизни К. Н. Леонтьева // История философии. 2000. № 6. С. 198–208.
- Коноплянцев — *Коноплянцев А. М.* Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева: Литературный сборник. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 1–142.
- Леонтьев — *Леонтьев К. Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.
- Летопись — Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева (1831–1891): В 2 ч. / Сост. О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2022. Ч. 1: 1831–1880. 703 с. Ч. 2: 1881–1891. 735 с. (Прил. к Полному собранию сочинений и писем К. Н. Леонтьева; Кн. 3 и 4).
- Русский Афон — Русский Афон XIX–XX веков / Гл. ред. иером. Макарий (Макиенко). Святая Гора Афон: Изд. Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. Т. 10: Письма выдающихся личностей России к старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. 804 с.
- Талалай 2007 — *Талалай М. Г.* Некрополь Свято-Андреевского скита на Афонской Горе. СПб.: ВИРД, 2007. 104 с. (Российский некрополь; Вып. 15).
- Талалай 2009 — *Талалай М. Г.* Русский Афон: Путеводитель в исторических очерках. 2-е изд. М.: Индрик, 2009. 176 с.
- Талалай 2023 — *Талалай М. Г.* Святогорец Дорофей (Кудрявцев) и Православное Палестинское Общество // Православный Палестинский сборник. М.: Индрик, 2023. Вып. 121 / Отв. ред. С. В. Житенёв. С. 269–284.
- Троицкий — *Троицкий П. В.* Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М.: Храм Св. Троицы на Шаболовке, 2002. 144 с.
- Феннелл, Троицкий, Талалай — *Феннелл Н., Троицкий П., Талалай М.* Ильинский скит на Афоне. М.: Индрик, 2011. 400 с. (Русский Афон; Вып. 8).
- Фетисенко 2012a — *Фетисенко О. Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.
- Фетисенко 2012b — Письма К. А. Губастова к Б. В. Никольскому (1898, 1908–1911) / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. О. Л. Фетисенко // Христианство и русская литература / Отв. ред. В. А. Котельников и О. Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 250–273.
- Фетисенко 2014 — *Фетисенко О. Л.* Эпизоды из жизни консула (К. Н. Леонтьев и М. А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 97–146.

- Фетисенко 2016 — *Фетисенко О. Л.* Из босфорского table-talk 1874 года (М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии) // *Русская литература*. 2016. № 1. С. 80–89.
- Фетисенко 2018 — *Фетисенко О. Л.* Афон и его «единство в разнообразии» в социокультурной концепции Константина Леонтьева // *Русско-византийский вестник*. 2018. № 1. С. 141–145.
- Фетисенко 2020 — *Фетисенко О. Л.* Константинопольский «маскаралик» 1877–1878 гг. в письмах и воспоминаниях К. А. Губастова // *Тетради по консерватизму*. 2020. № 3. С. 444–459.

References

- Bergovskaya, I. M. (2000). 'Kudinovo v zhizni K. N. Leontieva', *Istoriya filosofii*, 6, 198–208.
- Fennell, N., Troitskii, P., Talalay, M. (2011). *Il'inskii skit na Afone*. Moscow: Indrik, 400 p.
- Fetisenko, O. L. (2012). «*Geptastilisty*»: *Konstantin Leont'ev. Ego sobesedniki i ucheniki*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskii Dom», 784 p.
- Fetisenko, O. L. (2014). 'Epizody iz zhizni konsula (K. N. Leont'ev i M. A. Khitrovo)', in: *Ezhгодnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 97–146.
- Fetisenko, O. L. (2016). 'Iz bosforskogo table-talk 1874 goda (M. A. Khitrovo i ego neizdannaya epigramma na prozelita transtsendentalnoi filosofii)', *Russkaya literatura*, 1, 80–89.
- Fetisenko, O. L. (2018). 'Afon i ego «edinstvo v raznoobrazii» v sotsiokulturnoi kontseptsii Konstantina Leont'eva', *Russko-vizantiiskii vestnik*, 1, 141–145.
- Fetisenko, O. L. (2020). 'Konstantinopol'skii «maskaralyk» 1877–1878 godov v pis'makh i vospominaniyakh K. A. Gubastova', *Tetrad' po konservatizmu*, 3, 444–459.
- Fetisenko, O. L., ed. (2012). 'Pis'ma K. A. Gubastova k B. V. Nikol'skomu (1898, 1908–1911)', in: V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko, eds. *Khristianstvo i russkaya literatura*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 7, 250–273.
- Fetisenko, O. L., ed. (2022). *Letopis' zhizni i tvorchestva K. N. Leont'eva (1831–1891)*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 1: 1831–1880, 703 p. Vol. 2: 1881–1891, 735 p.
- Konoplyantsev, A. M. (1911). 'Zhizn' K. N. Leont'eva v svyazi s razvitiem ego mirosozertsaniya', in: *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva*. Saint Petersburg: Tipografiya «Sirius», 1–142.
- Leont'ev, K. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. [19 books], eds. V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2000–2021.
- Makarii (Makienko), ieromonakh, ed. (2015). *Russkii Afon XIX–XX vekov*. Svyataya Gora Afon: Izdanie Russkogo Svyato-Panteleimonova monastyrya na Afone. Vol. 10, 804 p.
- Talalay, M. G. (2007). *Nekropol' Svyato-Andreevskogo skita na Afonskoi Gore*. Saint Petersburg: VIRI, 104 p.
- Talalay, M. G. (2009). *Russkii Afon: Putevoditel' v istoricheskikh ocherkakh*. 2nd ed. Moscow: Indrik, 176 p.
- Talalay, M. G. (2023). 'Svyatogorets Dorofei (Kudryavtsev) i Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo', in: *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik*. Moscow: Indrik. Vol. 121, 269–284.
- Troitskii, P. V. (2002). *Andreevskii skit i russkie kel'i na Afone*. Moscow: Khram Svyatoi Troitsy na Shabolovke, 144 p.